

УДК 070

**ДВА ПИСЬМА: К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ А.А. ФЕТА
НАЧАЛА 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА****TWO LETTERS: TO THE QUESTION OF FET'S SOCIAL VIEWS IN 1880S****М.А. Шинков**
M.A. Shinkov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia*

e-mail: mihaile.schinkov@yandex.ru

В статье раскрывается позиция А.А. Фета на основе эпистолярной публицистики. В открытых письмах критикуются либеральные и революционные тенденции в общественном мнении русского общества. The article reveals the position of A. A. Fet on the basis of epistolary journalism. Liberal and revolutionary trends in public opinion of Russian society are criticized in open letters of A.A. Fet.

Ключевые слова: революционные демократы, либералы, реформы, суд присяжных, община.
Keywords: revolutionary democrats, liberals, reforms, jury court, community.

Начало 80-х годов в России явилось истинно трагическим временем, которое высветило всю глубину общественных противоречий, возникших в 60-е годы, резко обострившихся в 70-е годы и увенчавшихся царевбийством 1 марта 1881 года. В эти десятилетия в России сформировались два влиятельных общественных направления (либералы и революционные демократы), стремящиеся европеизировать Россию, приверженцы просветительской идеологии (либералы) и утопического социализма (революционные демократы). При всех различиях и спорах между собой они были едины в одном: и те, и другие не принимали сложившееся в России государственное устройство, так как считали абсолютную монархию историческим атавизмом, отбрасывающим страну далеко назад от единственно возможного «европоцентрического» движения, которое, по их мнению, являлось единственной целью и мериллом прогресса.

Революционеры делали ставку на радикальное изменение общественной жизни на началах, высказанных Мором, Фурье, Сен-Симоном, Оуэном. Радикальный переворот позволял, как считали идеологи этого общественного направления, не только догнать Запад, но и сделать Россию лидером в общемировом социально-экономическом развитии.

Либералы надеялись на реформы в духе английского государственного устройства, при котором монархия должна была трансформироваться в конституционную, а дворянство получить права лордов. Должен был быть устроен парламент, который формировал бы правительство, отчитывающееся исключительно перед ним. Нижняя палата парламента формировалась бы путём свободных выборов из представителей всех сословий. Много сторонников этой идеологии подвизалось в земских учреждениях, где отстаивали принципы более широкого влияния земства на государственную власть и подотчётности губернатора земству.

Этим весьма влиятельным, имеющим свои печатные органы и широко пропагандирующим либеральные и революционно-демократические взгляды общественным группам, противостояли течения почвенников и славянофилов. И славянофилы, и почвенники равно отстаивали особый путь развития России, обусловленный ценностями православного христианства как идеологической основы мирозерцания русского народа, в особенности крестьянства, составляющего в XIX веке подавляющее большинство населения Российской империи. В нашу задачу не входит подробный анализ всех идеологических аспектов общественно-политических программ данных течений, но необходимо отметить, что в основу своих убеждений западники и революционные демократы, с одной стороны, и почвенники и славянофилы, с другой стороны, ставили вопрос веры или неверия. В зависимости от решения этого вопроса они и предлагали свои рецепты для дальнейшего развития страны. Реалии повседневной жизни: состояние хозяйства, культура и менталитет народа, администрация объявлялись чем-то преходящим, тем, что при коренном изменении существующей государственно-административной системы подлежит быстрому и благоприятному переделу.

А.А. Фет занимал по отношению к этим спорам совершенно особую позицию, что ярко проявляется в представленных письмах. Точку зрения Афанасия Афанасьевича как практическую постановку решения любого вопроса и опору при проведении любых реформ не на теоретические положения и общечеловеческие вопросы, а на повседневные проблемы, которые само развитие народной жизни ставит перед страной. Теоретические положения, к которым он приходит в публицистике, всегда основываются на всестороннем и глубоком анализе современной реальности, которая диктует то или иное решение, а не на отвлечённых философских теориях, каких бы глобальных мировоззренческих проблем они ни касались. Данная позиция ярко проявляется и в исследуемых нами письмах. Они носят в себе характерные черты эпистолярной публицистики, так как касаются общественно-значимых проблем, носят открытый характер: как замечает А.А. Фет в письменном заявлении председателю Мценского мирового съезда Афанасию Николаевичу Тинькову: «<...> считаю долгом изложить это мнение, которого я не изменил бы и при словесном разъяснении – письменно» [Ф.315. к. 4, 27. Л. 1-2].

Вызывает несомненный интерес круг вопросов, поставленный в этих письмах. А.А. Фет даёт трезвый и нелицеприятный анализ состояния российского общества в письме к Михаилу Тариэловичу Лорис-Меликову. Он учитывает неприкрытую радость либеральных кругов от назначения этого сановника директором временно-распорядительной комиссии с диктаторскими полномочиями. В глазах сторонников прозападнических реформ государственного устройства России Лорис-Меликов был той фигурой, которая могла бы, подавив революционное движение, ввести в стране конституцию. Именно это и вызывает озабоченность А.А. Фета: «От нас требуют разом всенародного образования, школ, женских курсов, больниц, богаделен, библиотек, железных и водяных путей, словом, всей вершины цивилизации, а у нас нет ни одной грунтовой дороги, ни одного моста, ни одного, не пьяного попа и процветает один кабак» [ф. 315, к. 4, ед. хр. 2]. Никакие преобразования невозможны в стране, которая органически не в состоянии их принять. Фет обозначает в письме тему, подробно проанализированную им в «Деревенских очерках» (1862-1871), в которых публицист приходит к однозначному выводу о недопустимости для народа только образования без воспитания, так как оно развивает в учащейся молодёжи нигилизм и убежденность в том, что для достижения благой цели, возможно использовать любые средства без оглядки на нравственность. «Неужели народное просвещение не догадывается, что оно главное орудие в руках врагов?» – вопрошает Фет государственного сановника. – «Как позволило оно бурсакам (сравнительно самым образованным и по положению завистливым) окончательно отравить все бурсы и затем всех учителей и училища, вербуя посредством ничем не заслуженных стипендий ежегодные полчища новых бунтовщиков – и стараясь всеми силами разослать их в виде народных наставников всюду ...» [ф. 315, к. 4, ед. хр. 2]. Русское образование в том виде, в котором оно находилось в пореформенном российском обществе, по искреннему убеждению Фета, не могло подготовить никого, кроме бунтовщика, обладающего пёстрым набором полужнаний и озлобленного на общество за то, что оно не может оценить новомодных идей его рефлексированного сознания.

Воспитание гражданина, патриота, сознательного, нравственного члена общества жизненно необходимо для преуспевания государства. Особенно, по мнению публициста, жизненно необходимо нравственное воспитание, привитие начал сознательного уважения к закону и праву собственности в сельской школе, так как отсутствие именно этих качеств у крестьянства объясняет экономическую неразбериху и делает невозможным рациональное ведение сельского хозяйства на новой социально-экономической основе договорных отношений между работодателем и работником. Более того, наставники-бунтовщики, играя на невежестве и непонимании крестьянами в отдалённой перспективе их же пользы, способны посеять семена бунта и нравственного растления, которые сделают невозможным дальнейшее поступательное развитие и приведут страну к социальной катастрофе.

В этих условиях не может быть и речи о каком-либо представительном учреждении и законотворческой деятельности, доступной представителям всех сословий. Невозможно творить законы тому, кому неведомо чувство законности, такой вывод делает А.А. Фет. Именно этот вывод определяет вторую важную тему, которая пронизывает оба анализируемых нами письма – тему законности. Судебная реформа и её влияние на общественно-экономическую жизнь России была в центре внимания многих публицистов 60-80-х годов XIX века. Главной особенностью подхода А.А. Фета к этой теме явилось то, что значение и последствия реформы он оценивает по тем результатам, которые она приносит в повседневной жизни.

Судебная реформа была одной из самых радикальных в череде великих реформ 60-х годов XIX века. Суд стал представлять собой «независимую республику» среди государственных учреждений Российской империи. Новыми уставами была провозглашена независимость судей ни от кого, кроме закона, оставлена теория формальных доказательств вины, судебные заседания стали устными и гласными, были предприняты значительные шаги для ускорения судебного следствия, построена система мировых судов для дел «маловажных» и, наконец, для преступлений тяжких,

влекущих за собой наказание наиболее суровое, введена система постановки приговора присяжными заседателями. Именно этот, совершенно новый для отечественного права институт, вызвал ещё при обсуждении проекта судебных уставов больше всего споров среди специалистов. Владимир Данилович Спасович, в будущем «король российской адвокатуры», а в 1860-м году профессор Санкт-Петербургского университета, в лекционном курсе «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством» утверждал: «Где народ до того нравственно прост, что значительное большинство его и не понимает преступности большинства преступлений; где он до того не привык судить и мыслить, что законодатель не полагается ещё на личное убеждение не только в массе народа, но и в своих судьях-техниках, где народ до того политически прост, что, соболезнуя казнимым, смотря на них как на несчастных, считает суд страшилищем, от коего следует бежать; где безотчётный страх в отношении к начальству заступает место уважения к закону, а сам закон уважается не как форма известной нравственной идеи, а как начальственный приказ – там введение учреждения присяжных является делом просто невозможным...» [Спасович, 86]. Впоследствии, став известным адвокатом, В.Д. Спасович резко поменял свой взгляд на суд присяжных, но жизнь показала, что его опасения были далеко не безосновательны. Адвокаты, большинство из них придерживались либеральных, а то и революционных взглядов, побуждали присяжных путём софистических рассуждений и весьма широким толкованием понятия «невменяемость» к вынесению, по сути, неправосудных решений. Более того, именно суд присяжных (дело Веры Засулич) фактически положил в общественном сознании начало оправдания терроризма как способа решения общественно-политических проблем и эффективного метода давления на государственную администрацию. Это побудило власть изъять из компетенции присяжных заседателей дела о покушении на должностных лиц.

А.А. Фет, будучи многие годы мировым судьёй, знал проблемы практического воплощения новых судебных уставов не понаслышке. Он отзываясь об этих проблемах так: «Но когда речь о судебных учреждениях, то спрашивается, каким из них мы призываемся выразить наше сочувствие? Тем ли, которые, будучи призваны монаршей волей к жизни, обеспеченной с материальной и почётной стороны, до такой степени не оправдали своего назначения, что государство изъяло из их ведомства то, что считало возможным, – государственные преступления, – оставив им, быть может, на время, вносить деморализацию во все классы народа...» [ф. 315, к. 4, ед. хр. 27]. Эти слова ярко показывают взгляд А.А. Фета на суд «общественной совести». Любопытно, что это мнение практически не отличается от опасений, высказанных либералом, но учёным-юристом В.Д. Спасовичем. Пренебрежение к самим устоям государства, презрение к праву собственности, сознание своей бесконтрольности и неподотчётности, свобода от обязанности аргументировать свои решения сделали суд присяжных, по мнению А.А. Фета, нравственным предвестником трагедии царевубийства 1 марта 1881 года. И Фет не стесняется выразить мнение об уставах 1866 года как о ядре разрушения, а не созидания, как это должно было бы быть. Афанасий Афанасьевич высказывает своё понимание слов Александра II, положенных в основу судебных уставов: «Но если в нашей скромной сельской среде дело идёт о почтении памяти благодушного царя-Мученика, то и судьи желают по скромным средствам почтить его память в стенах суда, то я предлагаю поставить на вечные времена в комнате для совещания его портрет, драпированный чёрным сукном, чтобы из своей мученической могилы он говорил нам о суде “скором, правом и милостивом” – к пострадавшим от преступления, а не к преступникам». [Ф.315. к. 4, 27. Л. 1-2]. Подобный подход к системе, смыслу и назначению судопроизводства оригинален для общественного настроения 60-70 годов XIX века, но этим убеждениям А.А. Фета нельзя отказать в логике и внутренней справедливости. Законодатель учреждает суд прежде всего для того, чтобы карать преступников, тем самым поощряя невинных и создавая в обществе идеологию справедливости. Интересно отметить, что точка зрения, высказанная А.А. Фетом более чем столетие назад, не утратила актуальности и в современных спорах о целях и назначении правосудия.

Список литературы

1. Письмо А.А. Фета к М.Т. Лорис-Меликову. 1880 г. РГБ, рукописный отдел.
2. Заявление председателю Мценского мирового съезда Тинькову Афанасию Николаевичу в связи с событием 1 марта 1881 г.
3. Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000.